

Мифы и реальность патриотизма

Для начала — небольшой экскурс в историю. Дело необходимое, коль скоро вопрос о национальной самобытности русской литературы и нынешнем кризисе ее стал сегодня крайне болезненным — до самых тяжелых обид, обвинений в непонимании и сознательном искажении отечественной словесности.

Все это уже не раз звучало среди родных осин, но, думаю, не лишним было бы напомнить некоторые исторические реалии.

Российской империи развал, как известно, грозил не раз и не два. Но есть в ее истории период, когда свобода и патриотизм разошлись в такие диаметрально противоположные стороны, что странно было бы в дальнейшем и искать их в одном стане. То, что именовалось свободой, стало напрочь противоположным патриотизму. Впрочем, в случае их расхождения свободе в российских условиях всегда доставалось по первое число, ибо патриотизм — понятие отнюдь не эфемерное, а конкретное, опирающееся на такие могучие силы, как верховная власть и армия.

Я имею в виду известные события 1830— 1831 годов — национально-освободительное восстание в Польше и весьма быстрое подавление его войсками графа Паскевича-Эриванского. Этот не самый достохвальный период в истории России отечественные историки, как правило, вспоминать не любят. Слишком ясно отпечатались на нем роковая нерасторжимость понятий «великодержавность» и «русский патриотизм». Кроме того, — что самое важное, — в восхвалении побед Паскевича преуспели отнюдь не второ- и третьестепенные литераторы, а истинная гордость России — Жуковский, Пушкин, Чаадаев, Баратынский, Лермонтов, иные из декабристов...

Сознаю, насколько болезненной темы я касаюсь. Да кто мы, сегодняшние литераторы, такие, чтобы — страшно вымолвить — оспаривать Пушкина и Лермонтова? Кто смеет зачислять в стан сторонников великодержавности гениев отечественной культуры? (Или — если чуть глубже, на «патриотический» манер, вдуматься: а вдруг они-то, гении русской культуры, и говорят нам о необходимости *любой ценой* охранять целостность Отечества?)

Впрочем, оставим подобные возгласы в ведении «Нашего современника» и «Молодой гвардии». Не пустопорожние клятвы в преданности русской литературе нам нужны, не создание из гениев отечественной словесности икон-идолов или, напротив, изничтожение их, озаменованное возгласами о естественной ее, словесности, гибели, а трезвое осознание того, что литература, родившаяся в недрах русской нации, — явление невероятной сложности. Что она несет в себе массу трагических, порой неразрешимых противоречий, с последствиями которых — иной раз в самых причудливых формах — мы сталкиваемся по сей день. Что отгородиться от нее стеной хоть восторгов, хоть апокалипсических проклятий — значит не только ей самой, русской литературе, оказать медвежью услугу, но и не понимать ее.

Итак — 1831 год. Восстание за освобождение Польши в разгаре. И, разумеется, налицо взрыв отечественного патриотизма.

Из письма декабриста А. Бестужева матери: «Третьего дня, получив Тифлисские газеты, я был чрезвычайно огорчен и раздосадован известием об измене Варшавской. Как жаль, что мне не удастся променять пуль... с панами добродзеями. ...Никакого нет сомнения, что Царство Польское никогда не было так хорошо управляемо, как под русским владычеством...»

Не забудем — прошло всего чуть более пяти лет со дня трагического подавления восстания *за свободу*, мечта о которой повела вчерашних победителей Наполеона на почти бессмысленное противоборство с императором — главой государства-

Так что знаменитая «николаевщина» расцвела и окрепла отнюдь не после разгрома декабризма, как писалось, да и поныне пишется в учебниках российской истории, а позже — в результате взрыва российского патриотического единодушия, направленного на подавление свободомыслия.

И то, что перед нами отнюдь не случайное совпадение, подтверждает почти аналогичная ситуация 1860-х годов и ее отражение в литературе. Она еще раз показала не только то, что польский вопрос всегда хоронил демократию в России (такое уж у него имеется неприятное свойство), но и глубоко драматичный, далеко не однозначный характер русской литературы. Когда в 1862 году правительством России был объявлен рекрутский набор в Царстве Польском, по которому в армии оказались излишне свободолюбивые польские интеллигенты и представители аристократии, Польша на этот великодержавный призыв вновь ответила длительным восстанием. Разумеется, оно тоже было задушено. Особенно преуспел в его подавлении генерал-губернатор Северо-Западного края граф М. Муравьев, по заслугам прозванный «вешателем». Кстати, в молодости тоже замешанный в деле декабристов, герой Отечественной войны 1812 года, участвовавший в ней шестнадцатилетним юношей и показавший чудеса храбрости на Бородинском поле. Подавлением мятежников завершилась и эпоха «освободительства» Александра II, начавшего необыкновенно бурно и плодотворно, но сдававшего реакции одну позицию за другой. Модель та же.

И опять — о литературе, рожденной теми событиями.

Когда князь А. Суворов — внук знаменитого полководца — отказался подписывать приветственный адрес М. Муравьеву, назвав этого прославляемого обществом героя «людоедом», его поступок нашел суровую отповедь Ф. Тютчева. Этому событию обязаны мы стихотворением «Его светлости князю А. А. Суворову» — «Гуманный внук воинственного деда...» Великий поэт, будучи по своим политическим убеждениям крайним консерватором, сторонником сильной монархической власти (достаточно вспомнить его записку, поданную государю, под заглавием «Россия и революция», где он выступил за укрепление великой христианской империи любыми средствами), в своем мнении о необходимости подавить восстание смыкался и с Муравьевым-«вешателем», и с руководителем внешней политики при Александре II князем Горчаковым. Стихами он славил Муравьева, спасшего целостность России: «Избранный для всех крамол мишенью // Стал и стоит, спокоен, невредим...»

Не будем запоздало упрекать поэта в явном ретроградстве. Наша история такова, какова она есть, и в конце концов только романтизированное сознание может породить благостную картину мирного, поступательного развития русской литературы, лишенного противоречий и заблуждений. Едва ли, конечно, справедливо было бы упрекать лучшие умы России в том, что впоследствии с русской, польской и литовской свободой произошло, — царь подавлял восстания в Польше и Литве отнюдь не в результате чтения стихов. Гении России просто наиболее отчетливо выразили одну, на мой взгляд, крайне важную тенденцию.

А именно — поистине трагическое *соединение* патриотизма и исконно российской авторитарности с уклоном в деспотизм, что обусловлено отечественной историей и ее роковой для нас предопределенностью и парадоксальностью.

И если мы осознали, что добро и зло борются не где-то, а в человеческой душе, то надо осознать, что и русская литература — арена такой же борьбы.

А кратенький экскурс в реальную, немифологизированную историю, оказавшуюся вдобавок злободневной, понадобился мне для нескольких целей. Во-первых, показать, насколько подлинная история литературы отличается от исторических олеографий, к которым несколько по-дамски склонны как рьяные любители российской старины, так и яростные ее ниспровергатели. «Национальных истоков»,

Достоевского в полном объеме, не оболганного, не опошленного и не социологизированного, обрели мы не так уж давно. И в такой-то ситуации вспоминать о его неприкрытом антиполонизме и антисемитизме?!

Хотя с точки зрения российской государственности, если при анализе позиции Достоевского мы проявим известную широту воззрения, понять великого писателя можно. Беспокойная окраина, то и дело склонная к брожению, существенно осложняла наши внутренние и международные дела. Но тогда, по логике, мы не имеем никакого права осуждать и Адама Мицкевича! Ведь именно он в «Дзядях», в той части поэмы, что озаглавлена «Русским друзьям», писал:

Быть может, золотом иль чином ослеплен,
Иной из вас, друзья, наказан небом строже:
Быть может, разум, честь и совесть продал он
За ласку щедрую царя или вельможи.
Иль, деспота воспев подкупленным пером,
Позорно предаёт былых друзей злословью,
Иль в Польше тешится награбленным добром,
Кичась насильями, и казнями, и кровью.

(Перевод В. Левика)

Герой стихов здесь прямо не назван. Но ни для кого в России не было тогда загадкой, кого именно Мицкевич имеет тут в виду. А. С. Пушкина. Именно его примирения с царем после кровавых событий 1825—1826 годов (см., например, «Стансы» — «В надежде славы и добра...») и особенно после Варшавы Мицкевич никогда не прощал русскому национальному гению. Конечно, он понимал позицию Пушкина прямолинейно и односторонне — и был здесь неправ. Но мыслил и выступал он как *польский* патриот. Им он и был, ибо выступал за свободу и объединение родной страны.

И если мы сегодня понимаем и Пушкина, и Достоевского, тоже проявлявших известную односторонность (правда, «свою», российскую, — а это, с позиций нашей патриотически настроенной публики, дело иное, извинительное), то не должны осуждать и Мицкевича... В конце концов, почему проблемы польской нации мы обязаны рассматривать через откровенно имперскую призму российских интересов?

Здесь, конечно, налицо сложнейший узел напряженности, силовые линии от которого протянулись сквозь десятилетия.

И сейчас, стоило лишь улечься восторгам опьянения от обретенной свободы, как мы убедились, насколько в действительности все сложнее и драматичнее, чем недавно представлялось. Казалось бы, есть ли чувство более благородное, нежели патриотизм! В отечественной истории отнюдь не одни Скалозубы вставали в случае беды на защиту свободы государства. Русским офицерским корпусом, его воспитанностью и образованностью могла гордиться Россия. (Тут уместно вспомнить, как в 1901 году русские казаки презрительно отторгли из своей среды человека, запятнавшего себя участием в разгоне студенческой демонстрации. То есть взявшего на себя функции жандарма. К лицу ли это русскому офицеру?! А куда нынче эволюционирует наиболее «патриотически» настроенная часть наших военных — думаю, не стоит напоминать.) Сама история страны, начиная со времени объединения земель вокруг Московского княжества для отпора татаро-монголам, диктовала необходимость верности престолу, с которым связывалось представление о целостности и могуществе государства. А какое истинно русское сердце не всколыхнется при мысли о нем! Но ведь именно монголы вручили русским князьям-«данникам» ярлык на великое княжение, обеспечив себе тем самым не только постоянную богатую дань, но и собственную погибель... А постепенное усиление государственного начала позволило родиться и окрепнуть